УДК 81’373.4:340.113

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

VARIATION IN RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Е. Е. Иванов
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Аннотация. *В статье рассмотрена вариативность юридической терминологии русского языка на материале терминоведческих описаний и действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь. При последовательном разграничении вариантов и смежных явлений по тождеству корневой морфемы большинство описываемых в литературе «вариантных пар» квалифицируются как синонимия, полисемия, аббревиация или омонимия; в кодифицированном тексте собственно вариантных пар не обнаружено, что объясняется кодификационной нормой.*

Ключевые слова: *терминологическая вариативность, юридическая терминология, термин, синонимия, полисемия, кодификация, Гражданский кодекс.*

Annotatoin. *This paper addresses variation in Russian legal terminology, drawing on terminological studies and the current text of the Civil Code of the Republic of Belarus. When variants and related phenomena are consistently distinguished by the identity of the root morpheme, most pairs described in the literature as «variants» qualify as synonymy, polysemy, abbreviation or homonymy; a complete sampling of the codified text reveals no genuine variant pair, which is consistent with the established codification norm.*

Keywords: *terminological variation, legal terminology, term, synonymy, polysemy, codification, Civil Code.*

Терминологическая вариативность остается одной из нерешенных проблем теории термина: со времени работ О. С. Ахмановой операциональные критерии разграничения вариантов, синонимов и смежных лексических явлений по-прежнему обсуждаются [1, с. 3–4]. В описаниях юридической терминологии русского языка — наиболее регулируемого и кодифицируемого специального пласта лексики — корпус «вариантных пар» нередко формируется по разнородным основаниям: в один ряд попадают орфографические дублеты, словообразовательные параллелизмы, разнокорневые синонимы, полисемия и аббревиация. Такое смешение маскирует собственно вариативность и затрудняет упорядочение терминологии [2, с. 102–103]. Целью статьи является демонстрация работы формального критерия разграничения и его следствий применительно к действующему нормативному тексту. При последовательном применении критерия большинство описываемых в литературе «вариантных пар» не квалифицируется как собственно вариативность; сплошная же выборка

по Гражданскому кодексу Республики Беларусь не выявляет ни одной собственно вариантной пары.

В отечественном терминоведении сложился ряд позиций о соотношении терминологической вариативности и синонимии. С. В. Гринев-Гриневич рассматривает вариантность как частный случай абсолютной синонимии [2, с. 105]; С. Д. Шелов, напротив, обосновывает, что вариативность и синонимия терминов не связаны родовидовыми отношениями [1, с. 15]. В настоящей статье принимается узкое понимание вариативности вслед за Г. А. Ивановой. Согласно предложенному ею формальному критерию, к вариантам относятся семантически тождественные термины, характеризующиеся тождеством корневой части, а разнокоренные единицы той же семантики квалифицируются как синонимы [3, с. 30]. Критерий тождества корневой морфемы позволяет разграничить собственно вариативность и синонимию, а также отделить их от межотраслевой полисемии, аббревиации и омонимии. Продуктивность строгого разграничения подтверждается исследованием Н. В. Сандаловой, в котором по терминографическим источникам проанализировано 470 вариантных пар и 370 синонимических пар русских юридических терминов [4, с. 17–18].

Названный критерий сужает типологический ряд формальных вариантов, описанных в научных работах: собственно вариантными остаются фонетико-орфографические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и эллиптические типы. Аббревиация, составляющая, по данным Н. В. Сандаловой, 44 % формальных вариантов русских юридических терминов [4, с. 17], представляет собой скорее самостоятельный способ номинации, нежели вариант полной формы.

Применение формально-корневого критерия к примерам, указанным в научных работах, позволяет установить существенное сужение этого класса. Из двадцати пар юридических терминов, извлеченных из работ С. П. Хижняка и Н. В. Сандаловой [4, с. 16–18; 5, с. 70], критерий тождества корневой морфемы проходят лишь три: словообразовательная пара *баллотирование — баллотировка* (часть слова *баллот-*, различие суффиксов), квалифицируемая С. П. Хижняком как проявление словообразовательной вариативности [5, с. 70]; *оприходование — оприходывание* (общая часть слова *оприход-*, различие суффиксов *-ование*/*-ывание*), отнесенная Н. В. Сандаловой к словообразовательным вариантам и составляющая около 9 % от общего числа вариантных пар [4, с. 17]; фонетико-орфографическая пара *оферта — офферта* (корень *оферт-*, различие в удвоении согласной), представляющая варьирование графической формы заимствованного термина гражданского права [4, с. 16]. Показательно, что выявленные пары представляют лишь два типа — словообразовательный и фонетико-орфографический; ни синтаксических, ни эллиптических,

ни морфологических вариантов юридических терминов в качестве примеров авторы работ не приводили.

Остальные примеры при применении критерия распределяются между смежными явлениями: разнокорневой синонимией (*правонарушение — деликт*, *случай — казус*), межотраслевой полисемией (*залог* в гражданском и уголовно-процессуальном значениях), аббревиацией (*УК — Уголовный кодекс*, составляющей, по данным Н. В. Сандаловой, 44 % всех описанных ею пар [4, с. 17]) и омонимией (*брак* ‘союз’ и *брак* ‘продукция’). Таким образом, при строгом разграничении по тождеству корневой морфемы собственно вариантные пары в юридической терминологии русского языка оказываются исключением, а подавляющее большинство того, что авторы работ квалифицируют как «вариативность», представляет собой иные лексико-семантические явления.

При анализе кодифицированного текста был получен следующий результат. Сплошная выборка по действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь [6], при которой анализировались все типы вариантов (фонетико-орфографические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, эллиптические), а также пояснения в скобках в заголовках и тексте статей кодекса, не выявила ни одной собственно вариантной пары. Из трех пар, описанных выше, *оферта* функционирует в тексте кодекса исключительно в нормативной форме (гл. 28, ст. 405 и далее), историческая форма *офферта* не зафиксирована; пары *баллотирование — баллотировка* и *оприходование — оприходывание* в Гражданском кодексе Республики Беларусь не представлены.

Вместе с тем в тексте кодекса встречаются парные номинации, квалифицируемые в литературе как проявления вариативности, но при последовательном применении формально-корневого критерия представляющие собой смежные явления. Так, термин *залог* в Гражданском кодексе обозначает способ обеспечения обязательства (гл. 23, § 3, ст. 315–339); в уголовно-процессуальном праве тот же термин используется в значении меры пресечения. Таким образом, перед нами не вариативность, а межотраслевая полисемия: тождество формы при различии плана содержания [5, с. 70]. Соотношение полного и сокращенного термина (*УК — Уголовный кодекс*) квалифицируется как аббревиация. Это самостоятельный способ номинации, не являющийся варьированием полной формы. Пара *брак* ‘союз’ и *брак* ‘продукция’ представляет собой омонимию [5, с. 69].

Наиболее показательна пара *наем* (*аренда*) / *наниматель — арендатор*. В п. 3 ст. 35 и в ст. 471 Гражданского кодекса Республики Беларусь законодатель эксплицитно признает эквивалентность двух номинаций через пояснения в скобках: «сдаче его в аренду (в наем)», «нанимателем (арендатором)».

Формально-корневой критерий [3, с. 30], однако, разводит эту пару с собственно вариативностью: части слова *нае[м]-* и *аренд-* различны, что позволяет квалифицировать пару как дублетную синонимию, а не варьирование формы одного термина. В основном тексте кодекса доминирует форма *аренда*/*арендатор*; пояснение в скобках фиксирует синонимическое отношение двух разнокоренных номинаций, но не порождает собственно варьирования.

Отсутствие собственно вариантных пар в кодифицированном тексте вполне закономерно. Е. А. Иванникова подчеркивала, что вариантность принадлежит сфере материальной формы слова, тогда как синонимия — сфере семантических отношений [7, с. 141]; кодификационная норма на практике учитывает это разграничение. Нормативный текст проходит правку, ориентированную на единообразие: фонетико-орфографические и словообразовательные параллелизмы устраняются как избыточные средства называния [2, с. 108], тогда как полисемия, аббревиация и дублетность, будучи свойствами терминосистемы, такой правке не подлежат и в действующем тексте сохраняются.

Собственно вариативность и смежные лексико-семантические явления в юридической терминологии русского языка разграничиваются при последовательном применении формального критерия тождества корневой морфемы. На материале терминоведческих описаний критерию отвечают лишь три пары из двадцати, представляя словообразовательный и фонетико-орфографический типы; остальные квалифицируются как синонимия, полисемия, аббревиация или омонимия. Сплошная выборка по действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь не выявила ни одной собственно вариантной пары: кодификационная норма устраняет формальные параллелизмы, тогда как полисемия, аббревиация и дублетная синонимия, будучи свойствами терминосистемы, сохраняются.

Результаты подтверждают необходимость последовательного разграничения вариативности и смежных явлений при описании юридической терминологии и подготовке терминологических словарей. Вариативность свидетельствует о недостаточной упорядоченности правовой терминологии [5, с. 70], а синонимы, по выражению Г. Х. Шамсеевой, «всегда наносят вред четкости и однозначности законодательного акта» [8, с. 137]. Терминологическая точность нормативного текста — необходимое условие правовой определенности и, как следствие, элемент правовой культуры.

---

1. Шелов С. Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2014. Т. 73, № 5. С. 3–17. Вернуться к статье

2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Акад., 2008. 304 с. Вернуться к статье

3. Иванова Г. А. Синонимия и вариантность терминов: проблема разграничения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2006. № 1. С. 28–32. Вернуться к статье

4. Сандалова Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминографическим источникам) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 25 с. Вернуться к статье

5. Хижняк С. П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение. 1990. № 6. С. 67–71. Вернуться к статье

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Иванникова Е. А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. А. П. Евгеньева. Л. : Наука, 1972. С. 138–153. Вернуться к статье

8. Шамсеева Г. Х. К проблеме синонимии терминов права (на материале юридических терминов английского и татарского языков) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2012. № 21 (275). С. 137–142. Вернуться к статье